

Клод в панике схватился за мушкет и нажал на спусковой крючок в тот момент, когда кончик ствола был направлен в нужном направлении. Петух щелкнул, но ничего не произошло. К черту! Он никогда не зажигал спички, прежде чем спуститься вниз!

Но зияющая пасть исчезла, когда другая рука потянулась за ближайший факел перед собой. Его взгляд остановился, и он увидел большую, длинную, черную, трубчатую фигуру, скользящую перед ним. Коричневые пятна грязи покрывали его кожу, а один конец поднимался к большой голове, где раздвоенный язык шлепал по воздуху.

Он знал, что охота за сокровищами никогда не заканчивается хорошо! Его ноги непроизвольно задрожали, едва не подогнувшись под ним. Больше всего на свете он ненавидел змей. Змеиное мясо было хорошим, и у них, по-видимому, были определенные ... стимулирующие свойства, но эти змеи обычно были давно мертвы! Эта тварь все еще была жива и брыкалась, если можно так выразиться!

Успокойся... он должен оставаться спокойным. Он не мог позволить страху овладеть собой, если у него было хоть малейшее желание пережить это. Он еще не умер, так что у него еще есть шанс. Если ему удастся удержать змею на расстоянии достаточно долго, чтобы зажечь медленную спичку и прикрепить ее к петуху, он еще сможет выбраться отсюда живым. Он был очень далек от того, чтобы стать отличным стрелком, но он не мог промахнуться на таком расстоянии, особенно если он подождет, пока тварь не бросится на него.

Его дыхание было неровным и тяжелым, одежда пропиталась холодным потом, но он не чувствовал ни того, ни другого. Его глаза были прикованы к змее. Его руки медленно двигались, одна к фитилю, другую он поднес к мушкету, висевшему перед ним.

К этому времени его глаза уже полностью разглядели змею. Она была толщиной с суповую миску и не менее трех метров в длину, хотя он не был уверен. На каждой челюсти был ряд острых, как иглы, зубов и два прозрачных, как стекло, клыка, с которых капала то ли слюна, то

ли яд-Легуна не знал, что именно. И он не знал, что предпочел бы. Он определенно не хотел быть раздавленным в тисках, если это был констриктор, но ему не очень нравилась идея умереть медленно и мучительно больно, если это было ядовито. И если это был последний, он также не знал, какой яд он имел. Это может быть нейротоксин, и тогда он, будем надеяться, умрет довольно быстро, или это может быть яд для свертывания крови, и в этом случае его смерть будет столь же быстрой, но гораздо более болезненной. Если это парализующий яд, ему придется пережить, что его съедят живьем, прежде чем он умрет от удушья внутри змеи. Но хуже всего, по крайней мере в его воображении, было бы, если бы это был разлагающий плоть яд, из тех, что медленно разлагают его плоть, превращая ее в кашу.

Все это говорило о том, что теперь, когда змея была всего три метра в длину, он, возможно, предпочел бы, чтобы это был констриктор. Это было бы нехорошо, и он, конечно, переломал бы несколько костей, если бы она крепко схватила его, но она должна быть слишком короткой, чтобы схватить его и иметь возможность применить силу, которая могла бы убить его.

Они медленно приблизились друг к другу, затем спичка вспыхнула. Он на мгновение оторвал взгляд от змеи, чтобы посмотреть на спичку и убедиться, что она действительно горит.

Тень прыгнула в тот же миг.

Змея вынырнула из грязи и стрелой метнулась в него.

Черт! Клод замахнулся фонариком на змею, пытаясь заблокировать ее или отбросить прочь. Змея не могла увернуться от факела, вся ее длина была уже в воздухе, и она врезалась в него ртом.

Ударная волна сотрясла тело Клода, его рука согнулась под действием силы, факел отлетел в сторону. Острый запах ударил в ноздри, когда он почувствовал, как хлюпающая масса обвилась вокруг его талии, поднимаясь к груди. Он почувствовал, как его тело сжимается, когда огромная сила давит на него везде, где эта скользкая змея касается его тела. Колени подогнулись, и он рухнул на землю.

У него было достаточно времени, чтобы сделать вдох, прежде чем змея нападет снова. К счастью, его руки были свободны, а правая яростно сжимала пистолет. Он попытался схватить змею левой рукой, но она была скользкой, как мокрый угорь. Он быстро сдался и вместо этого потянулся за ножом, пристегнутым к поясу, но змея давила на него так сильно, что лезвие застряло в ножнах. Черная голова поднялась, и рот снова открылся. Он смотрел на лицо, казалось, целую вечность, а потом его рот опустился на его лицо.

Инстинкты Клода снова взяли верх, и пистолет поднялся так же, как и факел. Змея снова не дрогнула. Однако он бросился к стволу, и половина ствола исчезла в его горле. Он инстинктивно закрыл рот и вонзил клыки в деревянный башмак.

Клод тут же отдернул указательный палец. Однако петух снова с глухим стуком ударился о подушку. Медленная спичка не сработала должным образом и погасла, когда он размахивал пистолетом перед собой.

Черт возьми! Почему ему так не везет? Питон извивался вокруг пистолета, дергая головой взад и вперед, пытаясь высвободить клыки. Клод изо всех сил вцепился в рукоятку пистолета. Однако он вздрогнул, когда тело змеи сжалось вокруг него все сильнее и сильнее. Он почувствовал, как его внутренности прижались к диафрагме, которая, в свою очередь, раздавила его легкие снизу. Его дыхание становилось все более неглубоким, и он почувствовал, как какая-то темнота начинает цепляться за края его зрения.

Его вялые глаза наконец заметили два факела, все еще счастливо горевшие в грязи неподалеку. Он собрал последние силы и бросился на них.

Он приземлился между ними, и его левая рука несколько мгновений отчаянно цеплялась за воздух и скользкую грязь, прежде чем, наконец, схватила факел. Его правая рука была всего в нескольких рывках от того, чтобы ослабить хватку на рукоятке пистолета.

Он даже не думал о том, чтобы вонзить горящий конец факела в тело змеи, чтобы прогнать ее или, по крайней мере, заставить ее отпустить его. Его разум, находящийся на грани полного

отключения, был сосредоточен на том, чтобы заставить пистолет выстрелить. Он не мог зажечь медленную спичку, так как кран больше не был взведен, поэтому вместо этого он ударил факелом по крышке, поднимая его в сторону и зажигая заряд под ним.

Бах!

В подвале раздался выстрел. Ударная волна ударила в уши, и они зазвенели. Ударная волна ударила в стену где-то в темноте и обрушилась на него во второй раз, затем в третий, затем в четвертый. В ушах у него звенело, и из одного уха капала кровь. Однако питону пришлось гораздо хуже.

Он взорвался. Его горло распалось, он просто исчез, а остальная часть его тела корчилась в течение нескольких мгновений, прежде чем он упал с него и корчился на земле, как зарезанный дождевой червь.

Змеиная голова все еще торчала из пистолета, закрывая переднюю часть ствола, как рукав, и голова дергалась и извивалась вокруг ствола, когда жизнь исчезала из ее черных глаз-бусинок.

Клод задохнулся в тот момент, когда остальная часть его тела отпустила его, и рухнул на ноги, где он тяжело дышал почти минуту. Тьма, которая завладела почти половиной его зрения, когда он наконец выстрелил, медленно отступила в забвение. Он подполз к стене у подножия лестницы и подтянулся.

Его тело вдруг стало тяжелым, тяжелее, чем когда-либо в жизни. И это было больно. Боже, как больно! Каждая мышца, каждое сухожилие, каждая вена, каждый нерв яростно кричали на него. Он боролся с желанием просто упасть в обморок и потерять сознание, и почувствовал свой пояс, когда он споткнулся о расшатанную плитку.

Один факел все еще горел. Он ухватился за основание и дернул, но факел не сдвинулся с места. Грязь была мягкой и послушной, когда он затолкал ее туда, но теперь казалось, что факел зарыт в камень. Он снова дернул за нее, и Факел немного поддался. Третий рывок освободил его, но факел оказался в сто раз тяжелее, чем он помнил, и все между кончиками пальцев и лопаткой снова закричало на него.

Он нашел куст, который, должно быть, вымыли в подвале неподалеку, и сунул в него факел, поджигая гнилое дерево. Он нашел потухшие факелы в ярком свете. Он очистил их от грязи и снова зажег, нашел еще кусты и тоже зажег.

Четыре очага дымно горели в подвале, и он знал, что скоро дым станет еще одной опасностью. Сейчас, по крайней мере, костры стояли больше, чем дым, который они оставляли.

Наконец-то он увидел стены подвала. Они были примерно в двадцати метрах от него в каждом направлении. Все четыреста квадратных метров пола, за исключением его маленького уголка, были полностью погружены в грязь.

Несмотря на дым, поднимавшийся от кустов, он был рад их свету. Он не собирался сражаться с другой змеей-он был уверен, что не переживет вторую. Свет костра выдаст ему любого такого скрытого противника, не говоря уже о том, что это, надо надеяться, убедит любого, у кого есть хоть капля разума, присоединиться к веселью, не действовать в соответствии с этими мыслями, по крайней мере сейчас.

Он вытащил нож, который не мог достать раньше, и пошел-пополз-к наконец-то распрямившемуся труп. Его охватила паранойя. Он не собирался оставлять змеиную голову нетронутый, чтобы она каким-то ужасным чудом не осталась в живых. Кроме того, нужно было снять его с пистолета. Он сомневался, что Боркал обрадуется, увидев на пистолете гниющую змеиную голову.

Он вонзил нож в угол змеиной пасти и разорвал ее, отрезав один конец нижней челюсти. Он повторил процесс с другим углом, и голова и нижняя челюсть отвалились от мушкета на две

отдельные части.

Он опустил голову и вонзил острое меча в череп животного. Удовлетворенный своей кровавой работой, он выдернул клыки, все еще торчащие из осинового башмака.

Он переключил внимание на погубленную спичку. Факел загорелся во всю длину, и теперь от него осталась лишь черная оболочка. Он дернул его один раз, он чувствовал, что он был достаточно крут, чтобы справиться, заменив его единственным запасным факелом. Он положил пистолет так, чтобы можно было быстро до него дотянуться, хотя теперь он мог использовать его только как дубинку, и вернулся к яме в земле.

Он поднял нефритовую шкатулку, взял факелы и вернулся к веревочной лестнице. Удовлетворенный тем, что у него все есть, он вскарабкался по веревке-теперь уже гораздо медленнее и все время кряхтя от боли.

Он осторожно поднялся по лестнице и рухнул на землю прямо перед входом. Возблагодарив всех богов за солнечный свет, плясавший на его лице, он пролежал так почти полчаса, прежде чем, наконец, открыл глаза и сел. Он устался на нефритовую шкатулку, которую положил к себе на колени, и начал возиться с ней, пытаясь открыть.

Он не видел ни крышки, ни люка. Он выглядел как цельный кусок нефрита. Ему потребовалось еще несколько минут, чтобы найти край, который казался немного свободным. Он толкнул ее с нескольких сторон, прежде чем нашел ту, которая что-то сделала. Край отодвинулся в сторону, и одна сторона ящика отодвинулась.

Он нашел в коробке все, что описал Ландс. Он увидел три книги, открыл одну за другой их обложки, и действительно, две из них были дневниками, а третья-блокнотом. Он также увидел кошелек с деньгами. Больше ничего не было; Ландс действительно был нищим.

Он смотрел на все это еще несколько минут, прежде чем сдвинул крышку на место, положил ее рядом с собой и упал на землю, глядя в небо и делая несколько глубоких, чистых вдохов.

Он определенно не хотел, чтобы его друзья узнали о его маленьком сокровище, но было невозможно скрыть то, через что он только что прошел. Что он собирается использовать в качестве оправдания? Им было всего по шестнадцать лет, но они были остры, как ножи.

Конечно, это не означало, что у них хорошие оценки. Острый ум бесполезен, если им не пользоваться, а в школе они определенно не пользуются головой. Они не были тупыми, были очень необразованными. Он задавался вопросом, скрывают ли они свое тонкое чувство неполноценности из-за таких плохих оценок, несмотря на их относительный интеллект, глядя свысока на своих трудолюбивых сокурсников. Они определенно презирали своих одноклассников.

Тьфу.... Черт возьми! Почему было легче бороться с проклятой змеей, чем придумать правдоподобный предлог для этого?

Подписывайтесь на нашу группу в ВК

(<https://vk.com/club178351872>) - новости , анонсы и т.д.

В ближайшее время будут введены переодические розыгрыши закрытых глав.

<http://tl.rulate.ru/book/18306/543418>